

чей-то там «Свояк Сергей Сергеевич». А потом хозяйева, с простотой душевной, расскажут давно уже всем известную историю-загадку про то, «Как мужик переправлял через реку волка, козу и капусту», и будут смеяться и радоваться при этом, как будто эта история про них и была написана.

А если завернет к ним, допустим, какой-нибудь «Начальник» «Приезжий» – новоявленный да молодой «Генерал Малафейкин», так они вначале выслушают его внимательно, подивятся на речи его длинные да на «Ораторский прием», послушают разные байки про «Космос, нервную систему и шмат сала» да про «Мечты» вселенские, ну и спросят потом этого лектора со всей своей сибирской простотой: «А вот где она, “Правда”-то? Вот вы говорите, что живут там где-то хорошо, даже здорово живут! А ведь и нам на землице-то своей, в деревне нашей тоже “Охота жить”! Вот ответьте-ка нам, мил человек?»

Промолчит оратор, не дав ответа. И что же получится-то в конечном итоге от этой встречи-беседы, что останется-то на памяти у людей? Да ничего! Одни только разговоры у сельчан, да воспоминаний о том ораторе на половину дня от силы всего-то. И вздохнут сельчане затем с горечью и досадой: «Да, “Забуксовал” лектор! Вспотел “Рыжий”, вот и уехал восвоеси – “Чудик”! А чего, да и зачем приезжал-то? И совсем непонятно!»

«Пост скриптум» ко всему вышесказанному: «Сильные идут дальше». А посему: «Шире шаг, маэстро!» и «Привет Сивому!»



Виктор РЕЙНГАРТ,

*член Регионального литературного объединения «Звено Алтая»
Восточно-Казахстанской области.*

ДОМ МОЕГО ДЕТСТВА

Множество стихов и песен сложено о родительском доме – доме детства. И если он существует, то посещают его даже в старости. Мой же дом уже давно на дне Бухтарминского водохранилища. Но мне тоже очень дороги детские воспоминания о моём полудоме-полуземлянке, наполовину врытом в склон горы, доме, где я родился, доме моих предков, спецпереселенцев, коренных сталинградцев. Их репрессировали осенью 1941 года, и в результате на казахстанскую землю была депортирована вся наша большая семья: прадед Иван и прабабушка Кристина Рейнгардт, дед Эдуард Иванович с бабушкой Галиной Мироновной и их дети.

К тому времени село Бухтарма являлось спецзоной, и все работающие на лесоповале и сплаве леса по рекам Бухтарма, Хамир и Белая содержались как заключенные. Наша семья, как и другие спецпереселенцы, были под строгим надзором НКВД, и наши документы хранились в спецкомендатуре, без особого разрешения которой мы не могли покидать пределы села.

Два подслеповатых окна нашего дома на самом краю села выходили на берег реки Иртыш. На его земляной крыше буйно росла полынь. Со стороны горы я, пятилетним ребенком, мог спокойно влезть на неё. Полуземлянка имела две комнаты. В одной была кухня с небольшой русской печью. К дому была пристроена холодная кладовая. Все полы в нашей землянке были глиняные. Банька, сарай для коровы составляли наш «хозблок», хорошим подспорьем был и небольшой огород. На зиму для бани и печи в доме заготавливали кизяк. Иметь дрова нам не разрешали.

Душой дома была бабушка по отцовской линии – Галина Мироновна Марочкина, уроженка Саратовской губернии, мастерица на все руки, певунья и рассказчица. Она любила и знала множество песен Поволжья. На её плечах было всё наше хозяйство, которое нас кормило, и все мы.

Старший её сын Эдуард, мой дядя, по прибытию в Бухтарму был взят в Трудовую армию. Средний сын Вальдемар (Владимир), мой отец, был капитаном большого речного катера и гонял плоты по Иртышу на Усть-Каменогорск и Семипалатинск. Отца отпускали с плотами без сопровождения, потому что в селе оставались его родители и семья. Моя мать – Каньшина Прасковья, терская казачка, уроженка станицы Зольской, дочь репрессированного и впоследствии расстрелянного станичного атамана Василия Каньшина – работала секретарем-машинисткой в Сплавконторе. Младший сын Альберт оканчивал среднюю школу.

Прадед мой, Иван, был классным портным и на «давальческом» материале обшивал жителей села и военных строителей, строящих дорогу Усть-Каменогорск – Бухтарма. Дед Эдуард трудился бухгалтером на маслозаводе.

Кроме нашей семьи, среди местного населения в селе Бухтарме жило немало спецпереселенцев. Это были грамотные, интеллигентные люди, специалисты своего дела – врачи, педагоги, инженеры. Были и москвичи. Общаться между собой им всем было запрещено. Разве что за хлебом (его пекла моя бабушка в русской печи) к нам приходила старушка Сибаталова, с разрешения сына, служившего участковым милиционером. По очень большим праздникам в огороде под ветлой собиралась вся наша семья. Наша избушка-закопушка столько людей не вмещала.

Немецкий язык в семье был строго запрещен дедом. Проживая в Сталинграде, прадед и дед имели своё ателье по пошиву одежды и мясную лавку. Были уважаемыми людьми. В семье, естественно, все общались на родном языке. При депортации все испытали такой шок, что дед запретил говорить на немецком до конца жизни! Поэтому я ни разу не слышал от них ни одного немецкого слова. Прабабушка плохо говорила по-русски, так вообще до смерти молчала. А когда у меня в школе начались уроки немецкого языка, на помощь родных надеяться не приходилось. Запрет действовал. Это была психологическая травма на всю оставшуюся жизнь. Дед Эдуард на мой вопрос о наших корнях в Германии сразу кричал: «Тебе что, мало того, что мы испытали?!» Он был прав, потому что его старший сын – тоже Эдуард, окончивший школу с золотой медалью и поступивший перед войной в Ленинградскую военно-инженерную академию, был исключен из неё по национальному признаку.

В землянке нашей на видном месте висел портрет Сталина – мы все его уважали и почитали – и лежала его биографическая книга. Дед говорил: «Если бы ОН нас не выселил из Сталинграда, то мы всей семьей погибли бы под руинами!»

Только после четырнадцати лет проживания в этой избушке с нас сняли все ограничения и дали возможность выехать в поселок Переваловку Предгорненского района Восточно-Казахстанской области. Когда нас подвезли в поселке к новому коттеджу, где нам предстояло жить, вся наша семья плакала навзрыд.

Наконец-то и мы стали ЛЮДЬМИ наравне со всеми и могли строить планы на будущее...

